

Жертва и медиум: нарративные особенности конструирования культа (по материалам отечественных спиритуалистов второй половины XIX в.)

Владислав С. Раздьяконов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, razdyakonov.vladislav@gmail.com*

Аннотация. Цель исследования – реконструкция элементов нарратива, способствовавшего превращению спиритуалистической группы в культовое объединение. В фокусе исследования – представления русских спиритуалистов о фигуре медиума как особого антропологического типа, его назначении и особенностях, а также специфика оценки деятельности медиумов русскими спиритуалистами. Основной тезис исследования – культовый характер спиритуалистической группы создавался при помощи нарратива о медиуме как лице, приносящем себя в жертву во имя духовного просвещения человечества и, одновременно, разрешавшем производить над собой физическое «насилие», заключавшееся в установлении над ним полного контроля. В статье рассмотрены свойственные спиритуалистическому дискурсу характеристики медиума, благодаря которым конструировалось представление о медиуме как о жертве. Спиритуалистический культ формировался благодаря переносу вины спиритуалиста на медиума, чему в определенной степени способствовало распространенное понимание медиума как жертвы, принесенной ради обретения другими людьми социального единства.

Ключевые слова: культ, спиритуализм, нарратив, зависимость, жертва, коммуникация.

Для цитирования: Раздьяконов В.С. Жертва и медиум: нарративные особенности конструирования культа (по материалам отечественных спиритуалистов второй половины XIX в.) // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 4. С. 74–85. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-4-74-85

Sacrifice and the Medium:
Narrative construction
of the cult in Russian spiritualism
in the second half of the 19th century

Vladislav S. Razdyakonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, razdyakonov.vladislav@gmail.com*

Abstract. The aim of the study is to reconstruct the elements of the narrative that contributed to the transformation of a spiritualist group into a cult association. The focus of the study is on Russian spiritualists' perceptions of the figure of medium as a special anthropological type, its purpose and features, as well as the specificity of Russian spiritualists' evaluation of mediums' activities. The basic thesis of the research – cult character of spiritualist group was created by means of a narrative about the medium as the person, sacrificing himself in the name of spiritual enlightenment of mankind and, simultaneously, allowing making over himself physical “violence”, consisting in an establishment over him total control. The article examines the characteristics of the medium that are intrinsic to spiritualist discourse, through which the notion of the medium as a victim was constructed. The spiritualist cult was shaped by the transfer of spiritualist guilt to the medium, which was to some extent facilitated by the widespread understanding of the medium as a sacrifice for the social unity.

Keywords: cult, spiritualism, narrative, dependence, sacrifice, communication.

For citation: Razdyakonov, V.S. (2022), “Sacrifice and the Medium: Narrative construction of the cult in Russian spiritualism in the second half of the 19th century”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 74–85, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-4-74-85

Спиритуализм был религиозным движением, не имевшим единого организационного центра, представляя собой разрозненный конгломерат отдельных групп, формировавшихся вокруг медиумов – людей, претендовавших на обладание способностью к духовной коммуникации. Как следствие, спиритуалистическое движение отличалось крайней гетерогенностью религиозных представлений, определявшихся историко-культурной средой и личным опытом медиума. Такому положению дел также способствовала, с одной стороны, религиозная философия спиритуализма, высоко оценивавшая критическую способность человека к вынесению независимого суждения и определявшая личный опыт как главный критерий истинности сообщений, с другой стороны – открытость духовного

знания, которое каждый мог потенциально приобрести, обратившись к духовному миру¹. Хорошо осознавая разобщенность движения, спиритуалисты стремились к социальному единству, считая его одной из главных своих социальных ценностей, прилагали усилия по составлению кодексов и катехизисов, однако, несмотря на различные попытки социальной консолидации, в общем и целом движение оставалось с содержательной точки зрения аморфным². Учитывая известную критику спиритуалистами церковной иерархии и института религиозного посредничества в целом, несколько парадоксальным образом в центре спиритуалистической практики стояла фигура медиума как религиозного посредника между «земным» и «духовным» мирами.

Спиритуалистическое движение с социологической точки зрения давно было определено как культ [Nelson 1968; Nelson 1969], и, хотя предложенные критерии Дж. Нельсона не всегда выдерживают историческую критику [Раздьяконов, Морозова 2016], в целом следует согласиться с его видением, дополнив его подход указанием на характерные для спиритуалистов нарративные способы легитимации культа. На существование зависимости некоторых спиритуалистов от медиумов и их «сообщений» указывали уже в XIX столетии, определяя подобную зависимость, с одной стороны, как патологию психики лиц, вовлеченных в спиритуалистическую коммуникацию, с другой стороны, как сознательную манипуляцию со стороны медиума. Цель настоящей статьи – реконструировать элементы нарратива, способствовавшие превращению спиритуалистической группы в культовое объединение. В фокусе исследования – представления русских спиритуалистов о фигуре медиума

¹ Высокая оценка рациональности человека и требование опытной проверки получаемых знаний составляют своеобразное эпистемологическое «кредо» спиритуализма – эти тезисы, даже если они не всегда соответствовали реальной спиритуалистической практике, регулярно проговаривались спиритуалистическими авторитетами, советующими никакие суждения не принимать «на веру». При этом стоит подчеркнуть, что по крайней мере в русском спиритуализме, хотя суждения «на веру» принимать не следовало, следовало принимать «на веру» тот опыт, с которым ты сталкиваешься на спиритическом сеансе.

² Исключение из общего правила составляет учение Аллана Кардека и последователей его «школы», что, однако, не отменяет общего правила, особо характерного для американского спиритуализма. Следует отметить, что, несмотря на существенные локальные теологические, космологические, эсхатологические и иные различия, в спиритуализме можно выделить ключевые религиозные метафизические положения, характерные для подавляющего большинства его разнообразных религиозных систем.

как особом антропологическом типе, его назначении и особенностях, а также специфика оценки деятельности медиумов русскими спиритуалистами. Основной тезис статьи – культовый характер спиритуалистической группы создавался при помощи нарратива о медиуме как лице, приносящем себя в жертву во имя духовного просвещения человечества и, одновременно, разрешавшем производить над собой физическое «насилие», заключавшееся в установлении над ним полного контроля. Одновременная иллюзия контроля и статус жертвы формировали зависимость участников группы по отношению к медиуму, выступавшему в роли лица, передающего сообщения от значимых для спиритуалистов умерших близких людей.

Медиум как антропологический тип

Говоря о религиозной социальной стратификации спиритуалистического движения, необходимо различать медиумов и спиритуалистов как две пересекающиеся категории лиц. С одной стороны, существовали спиритуалисты, которые сами были медиумами, с другой – были медиумы, которые не считали себя спиритуалистами³. Такое противопоставление представляется важным, потому что, насколько можно об этом судить на основании отечественных материалов, большинство спиритуалистов не считали, что обладают медиумическим даром и фактически – для осуществления цели духовной коммуникации – полагались на медиума.

Медиум как антропологический тип представляет собой хорошо узнаваемую в истории религии фигуру религиозного посредника, обеспечивающего доступ паствы к духовному миру. В историко-культурной ситуации второй половины XIX в., отличавшейся весьма высокой оценкой научного знания, ключевой особенностью медиума был источник его религиозной легитимации – природа: «Медиум есть такого рода индивидуум, в котором внутренняя трансцендентальная или психическая сила и способ постижения не вполне заглушаются органическим телом»⁴.

³ Хороший пример последнего представляет пример М.П. Сабуровой, которая в своем спиритическом дневнике регулярно указывает на то, что ее медиумы не верят в духовную коммуникацию, хотя и «передают» ей сообщения от ее умершего приемного сына Андрея [Раздьяконов 2015]. Сама М.П. Сабурова также практиковала медиумизм при помощи автоматического письма, однако, судя по дневнику, недостаточно успешно, чтобы полагаться в этом деле исключительно на саму себя.

⁴ Медиумизм и его условия // Ребус. 1886. № 42. С. 393.

Медиумизм рассматривался спиритуалистами как особый природный талант к духовной коммуникации, ключевым средством его передачи считалась наследственность. Среди спиритуалистов было распространено мнение о том, что каждый человек обладает некоторой степенью медиумичности: «в большей или меньшей степени все люди медиумичны...»⁵, хотя не каждый человек одарен достаточными «силами» для того, чтобы вступить в полноценное общение с духовным миром. Многие спиритуалисты были убеждены в том, что медиумический «дар» может быть усовершенствован посредством регулярной практики: «...не тот медиум, кто от природы одарен этими способностями, а тот, кто как пианист-виртуоз, терпеливо и усердно работает над развитием и усовершенствованием даров Духа, в которых, в сущности, никому вполне не отказано»⁶.

Следует подчеркнуть, что деятельность медиума имела для спиритуалистов ключевое религиозное измерение: «Почему бы некоторым людям не быть одаренными еще более необыкновенной силой духовного прозрения, соответственного тому, что ап. Павел называет «различением духов», так называемым часто «вторым зрением»⁷. С точки зрения спиритуалистов, появление нового движения – и большого количества медиумов – свидетельствовало о духовной эволюции человека, который в своем развитии получил способность связываться с духовным миром, и, одновременно, о начале нового этапа развития космоса в согласии с божественным планом. Медиум оказывался фигурой, делавшей возможным объединение всего человечества в единую большую семью, для которой уже не имели значения ни пространство, ни время: «Чтобы люди и духи разговаривали между собою и общались так же, как в давно минувшие времена, когда земля была молода и еще чиста»⁸. Довольно ясно такое эсхатологическое отношение к фигуре медиума, разрешавшего волновавший современников конфликт между наукой и религией, выразил Н.П. Вагнер: «Медиумизм снял туман с глаз моих, и все мирозерцание мое сделалось ясным. Для меня теперь нет противоречий ни в религии, ни в науке. Я вижу там и здесь одну великую идею, одно, не менее великое, чувство и одну благую руку. Я теперь страстно желаю только одного, чтобы это

⁵ А и Б. Указания для образования спиритических кружков // Ребус. 1908. № 17. С. 4.

⁶ Отчеты о сеансах г. Вут-Питерса в Москве // Ребус. 1908. № 46–47. С. 6.

⁷ Из личных наблюдений. Из докладов Д.В. Бульдинга // Ребус. 1906. № 39–40. С. 8–9.

⁸ А и Б. Об общении двух миров // Ребус. 1906. № 32. С. 6.

уравновешенное мирозерцание сделалось скорее общим достоянием моих земных братьев»⁹.

Специфическая спиритуалистическая онтология, которую можно обозначить как «религиозный натурализм» [Раздьяконов 2021], обусловила двойственность отношения к медиуму со стороны спиритуалистов. Одни спиритуалисты ставили зависимость коммуникации от биологических или пара-биологических причин, например здоровья медиума или состояния его «ауры», уподобляя его машине: «Если организм м-сис Пайпер представляет один конец телефонной проволоки, другой конец которой находится в так называемом “духовном мире”, то мне кажется чрезвычайно желательным попробовать улучшить линию сообщения, а также передающий и говорящий аппарат и возможно лучше разработать методы, пригодные к образованию и культивированию других подобных машин»¹⁰. Другой подход предполагал, что основной критерий, предъявляемый к медиуму, заключается в требовании его личной нравственности. Спиритуалисты, придерживавшиеся такого взгляда, полагали, что необходимо «культивировать» нравственность медиумов, для того чтобы получить доступ к «высоким духам», способным давать высокодуховные поучения¹¹.

Эти две оценки медиума, которые условно можно «обозначить» как «механическую» и «этическую», вступали друг с другом в противоречие в реальной спиритуалистической практике. С одной стороны, «механический» подход не только позволял превращать медиумов в объекты для исследования, но и служил натуралистическим оправданием их безнравственного поведения: в том случае если медиум попадался на обмане, последнее объяснялось отсутствием у него необходимой для духовной коммуникации «силы» или «флюида»; именно «механическая» оценка делала возможным для спиритуалистов работу с медиумами, которые сами себя медиумами не считали и относились к медиумической практике как к развлечению. С другой стороны, хотя «этический» подход предполагал честность медиума как необходимое условие «правильной» духовной коммуникации, реальная спиритуалистическая практика говорила о том, что медиумическим «даром» могут обладать и бесчестные люди, поскольку, с точки зрения спиритуалистов, духовный мир населен не только добрыми, но и злыми духами, готовыми и даже желающими вступить в общение с без-

⁹ Вагнер Н.П. О медиумизме // Ребус. 1893. № 18. С. 186.

¹⁰ Отчет доктора В. Ходжсона о некоторых феноменах транса // Ребус. 1900. № 17. С. 151.

¹¹ П.Ч. По пути // Ребус. 1905. № 15. С. 3.

нравственными людьми. Двойственность духовного мира, разделенного между добрыми и злыми силами, переносилась на медиума, которого часто характеризовали как человека, находящегося между двумя «мирами» – земным и «духовным».

Важной для настоящего исследования особенностью медиума как антропологического типа следует признать противоречивость его возможных ролей, которые спиритуалисты примиряли в своем отношении к медиумам. К примеру, один и тот же медиум мог во время одного и того же сеанса выступать в роли духовного посредника, создавать фантомы при помощи своей собственной «силы» и заниматься обманом, используя для этого подручные инструменты, например тряпичные куклы. В спиритуалистической системе координат религиозный посредник и фокусник легко могли сочетаться в фигуре медиума – задача спиритуалиста заключалась в том, чтобы распознавать «обманы» и отделять их от истинных «проявлений» медиумизма.

Конструирование образа жертвы

В социальной философии спиритуализма ключевое место занимал *альтруизм* как принцип, в соответствии с которым должно быть организовано общество. Этот принцип пришел в его социальную философию через учения социальных утопистов, прежде всего Шарля Фурье [Albanese 2007, p. 207]. Вследствие его широкого принятия спиритуалисты положительно относились к практикам социального самопожертвования, поощряя личную жертву ради высшей цели социального благополучия.

Медиум как особый антропологический тип позиционировался в спиритуалистической литературе как лицо, которое приносит себя в жертву ради установления социального единства между духовным и земным миром. Такая жертва должна была служить средством примирения враждующих сторон и позиций – говорившие через медиума «высокие» духи (обычно известные представители культуры) начинали придерживаться принципов спиритуалистической этики, и, к примеру, закоренелые монархисты превращались в защитников принципов свободы, равенства и братства¹². Спиритуалисты благодаря жертве медиума получили возможность восстановить утраченную социальную связь с умершими близкими и, в «переговорах» с ними, разрешить неразрешенные при жизни конфликты.

¹² Кардек А. Евангелие в разъяснении спиритизма. Ростов н/Д: Феникс, 1995. § 180.

В нарративах о медиумах можно выделить три способа конструирования образа медиума как жертвы – психический, физический и социальный. Во-первых, медиум отдавал свое *сознание* под контроль духовных сущностей, выступая в качестве «проводника» к духовному миру. Духи, подменявшие человека, совершали над ним своего рода насилие, поскольку они подавляли его «личность» и говорили через него – медиум считался спиритуалистами тем более хорошим, чем менее сообщения были «загрязнены» его сознанием. Спиритуалисты стремились различать сообщения, которые были «нечистыми», от тех, которые удавалось передать «без помех» со стороны сознания медиума.

Кроме того, как полагали спиритуалисты, частота «имперсонификаций» способствовала развитию у медиума склонности к лжи. В этом отношении медиумизм косвенно мог способствовать и упадку моральных качеств медиума, и потенциально был опасен для его психического здоровья – в конечном счете, медиумизм оказывался тяжелой работой, сопряженной со своими значимыми негативными последствиями. Хотя медиумическая практика, в общем и целом, при правильной организации, считалась спиритуалистами безопасной, в своих описаниях состояний медиумов после сеанса они часто указывали на истощение его физических сил. Спиритуалисты создавали пара-научные концепции, которые объясняли, например, что духи «пользуются» фосфором медиума, содержащимся в его мозгу, для того чтобы достичь материализации в «физическом» мире. Таким образом, для того чтобы обеспечить спиритуалистам возможность общения с миром духов, медиум должен был отдать что-то взамен – и это, по большому счету, было его здоровье, которое легко, согласно спиритуалистам, можно было повредить частыми спиритическими сеансами.

Во-вторых, по меньшей мере в ситуациях научного исследования, а по большому счету – в любом случае, медиум должен был позволять различным образом контролировать его тело, чтобы дать спиритуалистам возможность убедиться в реальности производимых им феноменов. Хотя не все медиумы были согласны на подобный контроль, однако медиумы, соглашавшиеся на него, считались спиритуалистами «покладистыми». Отдавая свое тело в распоряжение спиритуалистам для проведения разных контролирующих экспериментов, медиум позволял спиритуалистам вторгаться в его приватную сферу ради того, чтобы обеспечить, если не успех духовной коммуникации, то, по крайней мере, убедить в этом успехе спиритуалистов. Принимая во внимание, что атмосфера доверия на сеансе считалась необходимым условием для духовной коммуникации, не только от спиритуалиста, но и от медиума негласно

требовалось – с его стороны – обеспечить, по возможности, полную открытость и доступность его действий.

В-третьих, работа в качестве медиума, согласно мнению спиритуалистов, способствовала социальному остракизму. Такая работа не считалась престижной, а отношение к ней в обществе в целом было критическим. Господствующий академический дискурс, оперировавший понятиями нормы и патологии, обычно определял медиумический «дар» как патологию психики, и, таким образом, за медиумом закреплялся статус человека, балансирующего на грани безумия и здравомыслия. Медиумы указывали, что из-за специфики их работы они терпят символический ущерб, поэтому они принуждены, как, впрочем, и спиритуалисты, скрывать свои способности от широкой публики. Таким образом, медиум и с социальной точки зрения, и с точки зрения психологической оказывался лицом, которое вынуждено было пожертвовать стабильным положением ради того, чтобы выйти на границу двух миров и связать их друг с другом посредством своей жертвы: «...жизнь медиума незавидна, она далеко не может назваться счастливой. Малейшее его движение подозревают, относясь к нему с презрением»¹³.

В биографических нарративах медиумы иногда позиционировали себя как лица, которые не хотели следовать своему духовному призванию – иными словами, они были вынуждены стать медиумами. Классический нарратив обращения медиума, как, например, он представлен в исповеди Элизабет Хоуп (Эсперанс) «Страна теней», часто подчеркивал, что изначально медиум не верил в существование духов. Медиумы были принуждены к признанию духовного мира ввиду того, что отрицать его существование не было никакой возможности, хотя сами они, возможно, и не хотели бы обладать таким «даром». Согласно спиритуалистическому нарративу, скептицизм подавлялся абсолютной реальностью, с которой сталкивался медиум в его личном опыте и которая заставляла его осознать собственное предназначение. В этом отношении акт религиозной конверсии в спиритуализме также подавался как жертвенное предприятие – спиритуалисты, несмотря на нежелание, были вынуждены признавать реальность духовного мира, который – в этом смысле – совершал над ними насилие. Как указывала Эсперанс, только признание естественности происходивших с ней событий избавило ее от страха, что она близка к безумию.

Для спиритуалистов фигура медиума имела не только техническое значение религиозного посредника. Медиум выступал

¹³ *Фокс Иенкен К.* Письмо в редакцию // Ребус. 1883. № 12. С. 110.

в качестве миссионера духов, и, таким образом, чем чаще он жертвовал собой ради духов, тем шире распространялась благая весть. Учитывая, что медиум служил распространению истины о духовном мире, спиритуалисты оправдывали также и платные сеансы, которые некоторые медиумы практиковали довольно часто. Хотя частые сеансы считались вредными для здоровья медиума, такое действие рассматривалось как служение духам и поэтому к нему относились терпимо.

Наконец, в спиритуализме, по крайней мере в русском, была широко представлена культура страдания, в рамках которой страдание считалось средством очищения человека от его прошлых грехов, а также средством его совершенствования. За медиумом как лицом, по преимуществу страдающим за благое дело, среди верующих спиритуалистов закреплялся ореол мученика, который приносил себя в жертву ради высшей цели.

* * *

Культ как повседневная практика основывается на аффекте, который вызывается систематически в определенных условиях и снимает психическое напряжение индивида. Повторение аффекта формирует аддикцию, которую следует рассматривать как необходимую психологическую основу культового поведения. Важную роль в формировании аддикции, играет социальная среда – она характеризуется обычно исключительностью, противопоставляемой повседневной социальной жизни. Спиритический кружок, с социологической точки зрения, был прекрасным местом для формирования подобной аддикции и характерная для него идеология «духовного братства» [Раздьяконов 2020] хорошо служила формированию закрытой религиозной группы. Участники кружков должны были соблюдать главное условие – быть совершенно искренними между собой и полностью доверять друг другу, поскольку только при соблюдении этих условий можно было осуществить духовную коммуникацию.

Предметом желаний спиритуалиста и, соответственно, причиной аффекта являлись значимые люди, говорившие через медиума. Судя по имеющимся свидетельствам, базовым мотивом обращения участников к спиритуалистической практике была вина, которую они испытывали по отношению к значимым другим. Переживание вины становилось главным условием установления аффективной связи между спиритуалистом и медиумом. Медиум, говоривший от лица умершего, копировавший его жесты и интонации, становился для спиритуалиста самым умершим. В то же время медиум одновременно был и тем, кого требовалось контролировать, прежде всего на физическом уровне, и тем, кому требовалось безусловно

доверять в том, что касается сообщений, – подобную ситуацию можно охарактеризовать как ситуацию «двойной связи», являющуюся одной из предпосылок формирования аддикции.

Культе в спиритуализме создавался благодаря переносу вины с умершего на медиума и превращению его в значимого другого в ходе спиритического сеанса. Подобному переносу и его закреплению способствовало характерное для спиритуалистического дискурса определение медиума как жертвы.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Феномен культа как предмет исследования гуманитарных наук» (конкурс «Студенческие научные проектные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared as part of the work on the scientific project of Russian State University for the Humanities “The Cult in the Perspective of the Humanities” (contest “Student scientific project teams of Russian State University for the Humanities”).

Литература

- Раздьяконов 2021 – *Раздьяконов В.С.* Божественные законы и чудеса природы: естественная теология русского спиритуализма конца XIX – начала XX в. // *Философия религии: аналитические исследования.* 2021. Т. 5. № 2. С. 65–84.
- Раздьяконов 2015 – *Раздьяконов В.С.* Духовные авторитеты секулярного века: спиритический дневник М.П. Сабуровой // *Вестник ПСТГУ: I. Богословие. Философия.* М.: ПСТГУ, 2015. № 6 (62). С. 55–69.
- Раздьяконов 2020 – *Раздьяконов В.С.* Революция духов для духовного братства: социальные идеалы русского спиритуализма // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2020. № 4. С. 318–342.
- Раздьяконов, Морозова 2016 – *Раздьяконов В.С., Морозова Е.Е.* Спиритуализм как культовое движение: проблема лидерства в закрытой религиозной группе // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина.* СПб., 2016. № 3. С. 179–189.
- Albanese 2007 – *Albanese C.* A Republic of mind and spirit. A cultural history of American metaphysical religion. New Haven: Yale University, 2007. 628 p.
- Nelson 1968 – *Nelson G.K.* Analysis of a cult spiritualism // *Social Compass.* 1968. Vol. 15/6. P. 469–481.
- Nelson 1969 – *Nelson G.K.* The spiritualist movement and the need for a redefinition of cult // *Journal for the Scientific Study of Religion.* 1969. Vol. 8. No.1. P. 152–160.

References

- Albanese, C. (2007), *A republic of mind and spirit. A cultural history of American metaphysical religion*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
- Nelson, G.K. (1968), "Analysis of a cult spiritualism", *Social Compass*, vol. 15, no. 6, pp. 469–481.
- Nelson, G.K. (1969), "The spiritualist movement and the need for a redefinition of cult", *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 8, no. 1, pp. 152–160.
- Razdyakonov, V.S. (2021), "Divine laws and miracles of nature. Natural theology of Russian spiritualism at the end of the 19th – beginning of the 20th century", *Philosophia religii: analyticheskie issledovaniya*, vol 2, pp. 65–84.
- Razdyakonov, V.S. (2015), "Spiritual authorities of the Secular Age. M.P. Saburova's spiritualistic diary", *St. Tikhon's University Review, Series 1. Theology. Philosophy. Religious Studies*, vol. 62, pp. 55–69.
- Razdyakonov, V.S. (2020), "Revolution of spirits for spiritual brotherhood. Social ideals of Russian spiritualists", *Gosudarstvo, reigia, tserkov' v Rozzii i za rubezhom*, vol. 4, pp. 318–342.
- Razdyakonov, V.S. and Morozova, E.E. (2016), "Spiritualism as a cultic movement. The problem of leadership in a closed religious group", *Pushkin Leningrad State University Review*, vol. 3, pp. 179–189.

Информация об авторе

Владислав С. Раздьяконов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; razdyakonov.vladislav@gmail.com

Information about the author

Vladislav S. Razdyakonov, Cand. of Sci (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; razdyakonov.vladislav@gmail.com